

АНДРЕЙ КРУЗ

**ЭПОХА МЕРТВЫХ
Я еду домой!**

МОСКВА
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К84

Иллюстрация на переплете *Олега Горбачика*

Круз, Андрей.

К84 Я еду домой! / Андрей Круз. — Москва :
Эксмо, 2025. — 544 с.

ISBN 978-5-04-205721-2

Апокалипсис настал — улицы заполнили мертвые, выползшие из могил. Последний день оказался страшнее всех предсказаний. Живым остается только сражаться, чтобы не пополнить ряды нежити.

Мир разваливается на части, главный герой, наш соотечественник, оказывается отрезанным от семьи и родной страны. Теперь их разделяют легионы Смерти, пустошь и разруха. Чтобы вернуться к любимым, ему придется прорываться с боем, через эпицентр апокалипсиса. Он уверен, что преодолеет любые трудности, потому что его ждут дома и он дал обещание — вернуться домой.

Культовый роман Андрея Круза, который входит в популярный цикл вселенной «Эпохи мертвых».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Круз А., Круз М., текст, 2025
© Оформление.

ISBN 978-5-04-205721-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

21 марта, среда, утро

Округ Юма, штат Аризона. Юго-западный угол этого без затей прочерченного прямыми линиями по пустыне штата, протянувшегося от Невады до Нью-Мексико, придавленного сверху мормонской Ютой и поджимаемого снизу мексиканской границей. Жара, песок, сухой колючий кустарник, искусственно высаженные апельсиновые рощи, каменные холмы, песок, чахлая растительность. Авиабазы морской пехоты. Полигон национальной гвардии. Граница. Нелегалы. С Москвой девять часов разницы во времени и примерно тридцать градусов в температуре. Жарко здесь, очень жарко. И скучно.

Медвежьи углы бывают у нас, в России, а здесь медведи хоть и водятся, но мелкие и мало. Назвал бы угол в честь койота, каких тут множество, да неуклюже получается. Глухомань, короче. Я уже здесь год, и сколько придется торчать — один бог ведает. Надеюсь, не больше нескольких месяцев. А что поделаешь — работа. Принесла меня нелегкая сюда, в Америку, кому-то, может, и на зависть, а завидовать-то вовсе и нечему. Америка бывает разная — бывает та, что Лос-Анджелес с Нью-Йорком, даже в Аризоне случается современный Феникс со своими богатыми пригородами, но бывает и Юма.

6 Когда-то Юма считалась воротами Калифорнии. Именно через нее текли тысячи переселенцев, едущих в «апельсиновый штат» искать лучшей доли. Они прибывали по реке Колорадо, тогда еще не разделенной многочисленными плотинами на озера и чахлые ручьи, пароходами, поездами по легендарной Юнион Пасифик, здесь на тот момент заканчивавшейся, — в общем, оживленное было место. Было. Теперь это маленький город посреди ничего. Около восьмидесяти тысяч жителей. Все здесь жалуется на скуку, плохих водителей — что есть, то есть: привыкли ездить по пустыне куда черти понесут, — активность мексиканских банд и высокую для таких краев преступность. И это тоже правда. Граница под боком, а здесь она еще в таком «кармане», что путей перехода множество, охраняется она плохо, волокут через нее кокаин мешками, нелегалы идут толпами, по пути приворовывают все, что плохо лежит. Полиция за ними гоняется, но без большого успеха. Полиция тоже больше чем наполовину из мексиканцев, но, в общем, в потакании землякам не замечена. Конкуренция: чем больше придет с той стороны, тем меньше всего останется этим, на этой стороне.

Самый южный город округа Юма — Сан-Луис, американская часть поделенного пополам мексиканского городка Сан-Луис де Рио Колорадо. Как и его мексиканская половина, этот пыльный и небогатый городишко, построенный между несколькими промзонами, населен в большинстве своем смуглыми людьми, полагающими родным языком испанский. Оттуда же расходится по всей Америке немалая часть белого порошка — мексиканский картель Хуарез настолько прочно здесь засел, что в мексиканском Сан-Луисе есть даже улица Хуарез, как раз

в честь него и названная. Она, что характерно, 7
зажата между улицей Либертад, что означает
Свобода, и улицей Революсьон, название которой
переводить даже не надо.

Сам же Сьюдад Хуарез тоже расположился не-
подалеку, как раз напротив техасского Эль-Пасо,
а в Сан-Луисе у него лишь филиал. Еще в Сан-Луи-
се успешно функционируют сразу четыре весьма
агрессивные молодежные банды, которые преиму-
щественно занимаются наркотиками, но не брезгу-
ют периодически грабить и воровать в самой Юме,
воевать между собой и вообще причинять как мож-
но больше проблем окрестностям. По наглости они
значительно превосходят полицию, по вооруженно-
сти ей не уступают, а для тех, кто вообще переходит
границы разумного, есть еще и государственная гра-
ница: перебрался через нее — и ты в безопасности.
А до рубежа из Сан-Луиса рукой подать — в самом
прямом смысле этого слова.

Еще банды активно режутся между собой, пото-
му что, по слухам, пару из них втихую поддержива-
ет картель Гольфо, а еще две верно служат картелю
Хуарез. Так что противоречия между ними лежат глу-
бокие, непримиримые, а если точнее, то спорят они
о направлении движения кокаиновых потоков.

Вообще граница — главная головная боль мест-
ных властей. Сити-холл Юмы даже предоставляет
льготное жилье всем, кто нанимается в «Бордер Па-
трол»: надеются таким образом остановить бескон-
трольное хождение в обе стороны. Кстати, я так и не
могу понять, что мешает им вместо стены, которую
перелезть можно без проблем, и вальяжного патру-
лирования на машинах вдоль нее не взять на воо-
ружение опыт товарища Карацюпы с четвероногим
другом Ингусом, то есть провести контрольно-сле-

8 довые полосы, организовать заставы и секреты... — у нас-то граница была на замке.

Население самой Юмы наполовину мексиканское, наполовину белое. Негров почти нет. Зато есть индейская резервация племени Кокопа, в которой вальяжно живут около тысячи человек, пользуясь доходами аж с трех казино — главного бизнеса индейских резерваций.

Все дешево, потому что сюда никто не едет. Женщины все больше некрасивые, нечесанные, без косметики, неухоженные. Волосы в жменю взяла, заколкой заколола, напялила растянутую майку с застиранными шортами, кроссовки на веснушчатые ноги и пошла. Здесь это зовется «естественной красотой», подозреваю, по принципу: «Что естественно — то не безобразно».

Да и толстоваты они в своей массе — не в моем вкусе, прямо скажем. Мы, русские, избалованы женской красотой и зачастую, попадая в иные края, испытываем от ее отсутствия культурный шок. Жене-красавице, ухоженной и элегантной, местные англосаксонки в подметки не годятся, так что моя супружеская верность здесь крепнет день ото дня. Раньше жена опасалась меня здесь бросать одного, но после последнего визита явно успокоилась, поняв, что конкуренток здесь нет и быть не может.

Мексиканки тоже уже все больше многосемейные и многодетные, да и с индейской кровью, коренастые, невысокие. Короче, настолько отсутствуют соблазны, что я лучше буду честно смотреть в глаза семье, когда ее наконец увижу.

Семья в Москве. Старший мальчишка в школе, младший — в детском саду. Менять, пусть даже на год, хорошую московскую школу на захолустную аризонскую не стали. И правильно сделали. Я вот тоже

жду не дождусь, когда можно будет счесть дело работающим и ехать домой, появляясь здесь потом с нечастыми визитами. 9

Как сюда занесло? Почти случайно: придумали некую полимерную сетку, удерживающую влагу в сухой почве, а заодно укрепляющую бока дренажных канав. Не я придумал, другие, я только в производство взялся запустить. В Москве влагу точно удерживать никому не надо — там ее девать некуда, а здесь это — дело насущное. Разумеется, оно не только в Аризоне насущное, но и много где еще, да случайно отсюда первый большой заказ пришел, вот я и прилетел. Производство, благо оно совсем небольшое, разместили в Мексике, неподалеку совсем, а американцы сетку покупают, так что здесь у нас торговая база. Потом и из Невады люди стали приобретать, а теперь и из Нью-Мексико заказчики подкатили. И вышло, что именно здесь работа пошла, а раз пошла, то я и застрял.

У меня работают три человека. Главный человек после меня — Джек Симмонс. Белобрысый, незагорающий, поэтому с вечно красной физиономией, пробивающейся из-под жидких волос лысиной. Он — менеджер, он главный, он продает, и вообще человек настолько незаменимый, что недавно я сделал его партнером. У него есть недостаток: Джек настолько зануден, что даже я стараюсь его избегать по возможности. Еще его избегает бывшая жена, которая лишь тянет с него алименты, общаясь через адвоката.

Еще у меня работает помощницей упитанная веселая девушка Тереза Гонсалес, с сильной примесью индейской крови, делающей ее похожей на старые ацтекские статуи, которая сидит на телефоне, хихикает и общается с клиентами. Мексиканский акцент

10 у нее отсутствует почти полностью, зато она сама разбирает любые акценты.

А еще есть Пабло. Паблито. Маленького роста тощий мексиканец с густыми усами, отец шестерых детей, муж скандальной жены, вечно сидящий без денег, но на жизнь не жалующийся, шутник и оптимист. Он у нас монтер, водитель фургона, экспедитор. Я стараюсь платить ему побольше, заставляя Джека закрывать ему сверхурочные, когда таковых и в помине нет. Джек злится, но делает. Паблито, судя по всему, это заметил, потому что стал по отношению ко мне подчеркнута дружелюбен и по-доброму услужлив. Еще ему нравится, что я говорю не только по-английски, но и на испанском. А больше у нас и нет никого. Есть еще небольшой склад и офис в трейлере, где всем заправляет Джек.

Сбился. Так что делать в Юме, штат Аризона? Искать себе развлечения. Какие? Первая мысль приходит сразу — здесь все же Дикий Запад, все с револьверами и винчестерами, можно стрелять. Есть тир при оружейном магазине «Спрэгс Спортс», и у этого же самого Уилла Спрэга есть стрельбище, где палят из всего, что существует в природе: от револьверов одинарного действия в ковбойском стиле до пулеметов — в Аризоне, если расстараться, можно стать владельцем любого оружия, даже «третьего класса» — на этот счет здесь просто.

У Спрэга оружие дают в аренду, чем я и пользуюсь: в этом ничего незаконного нет. А еще дают уроки, от которых я тоже не отказываюсь. Пару раз даже приехал Тодд Баррет — чемпион Америки по практической стрельбе из пистолета, самой «житейски полезной» стрелковой дисциплине. И к нему на уроки я ходил. Да и другие инструкторы неплохи, грех жаловаться. По крайней мере, от них я услышал мно-

го откровений, которые смыли и стерли мой старый, весьма ограниченный опыт стрельбы из служебного «Макарова». Посмотри на меня тогда, при сдаче нормативов, и сейчас — теперь я просто Дикий Билл Хикок¹. И двигаюсь, и паляю на ходу, и попадаю, и вообще, развлекаюсь, как могу. Всегда стрельбу любил и в Москве по мере возможностей ею занимался, только вот с пистолетной стрельбой там большие проблемы. А жаль.

Походил даже на занятия по городской тактике, где ты изображаешь из себя спецназовца, топая, пригнувшись, с дробовиком или пистолетом-пулеметом по лабиринтам, расстреливая мишени. Интересно, прямо детская игра в войнушку.

На патроны уходит куча денег, эдак по двадцать долларов за пятьдесят штук, если к пистолету, но поскольку других трат у меня немного, то могу себе такую блажь позволить.

Чуть позже я обнаружил еще одно развлечение, которым увлекся, — я начал брать уроки пилотирования в аэроклубе, расположившемся в маленьком аэропорту Уэлтона, что километрах в пяти к западу от моего дома. Не то чтобы я собирался покупать самолет, но удовольствие от учебных полетов было уже достаточным вознаграждением. Инструктор по имени Дейв брал с меня тридцать пять долларов в час, за что взамен взялся провести обязательный сорокачасовой курс, достаточный для получения лицензии пилота-любителя.

¹ Дикий Билл Хикок — легендарная личность времен Гражданской войны в США: по одной версии, вспыльчивый меткий стрелок, чуть ли не бандит, по другой — справедливый шериф, боровшийся с бандитизмом. Возможно, и то и другое. — *Здесь и далее примеч. авт.*

12 Учеником я оказался способным, особенно учитывая, что в свое время окончил Московский авиационный институт и занимался в студенческом аэроклубе, то есть теоретическую часть летного дела знал не хуже самого инструктора, так что к окончанию курса я вполне лихо и аккуратно pilotировал клубный «Пайпер Команч». Да и получив лицензию, частенько приезжал на аэродром, чтобы полетать — очень уж увлек процесс, хоть сами полеты обходились в копейчку.

В общем, искал я себе занятия в этой самой Юме, потому что в противном случае оставалось только сидеть за компьютером или пиво глушить. А в больших количествах и то и другое вредно.

*21 марта, среда, все еще утро.
Округ Юма, штат Аризона, США*

День начался как обычно — я вывел из гаража свой эндуро, или, как их называют в Америке, «грязевой байк»: шестисоткубовую «Ямаху Экс Ти», оставив ее молотить вхолостую на подъездной дорожке, а сам вернулся, чтобы подтолкнуть постоянно заедавшие ворота. Так и не могу собраться их подрегулировать. Когда едешь на работу, заниматься этим некогда, а когда приезжаешь домой, то уже неохота. Все время откладываешь, откладываешь — так и подталкиваешь рукой из месяца в месяц. Позор. А дел-то на пять минут наверняка.

Кстати, о доме — он по размерам такой же, как и мой московский, арендовал его с мебелью, и неплохой, что не так часто бывает, а плачу я за него чуть больше тысячи долларов в месяц. Тоже показатель того, что округ Юма — глухомань. Впрочем, я даже не в самом городе Юме живу — там дороже, а имен-

но в округе, в крошечном городишке Уэлтоне, 13
в гольф-клубе, раскинувшемся на ручье под
совсем не романтическим названием Койотова Ку-
пальня, где я даже начал поигрывать в эту аристокра-
тическую игру. Точнее, уроки брать: в гольф играть
с кондачка не научишься. А что делать? Скучно здесь.

Дом в аренду я нашел не столь по соображениям
престижа, сколько по удобству поездок на работу, ну
и цена понравилась. Когда жена была здесь, только
морщилась, глядя на окружающий пейзаж. То ли дело
у нас в Подмоскowie, с видом на водохранилище
и сосновый лес. За пределами гольф-комьюнити, ко-
торое тоже красотой не поражает, рай заканчивался.
За федеральным шоссе номер восемь были апель-
синовые плантации и промзона, где и располагался
наш склад. Там же раскинулись два трейлерных пар-
ка: один — для проезжих туристов, асфальтирован-
ный и расчерченный белыми полосами, где стояли
редкие сверкающие «RV», и второй — оседлый, где
в старых развалюхах, давно никуда не ехавших, на-
зываемых мобильными домами, селилась все боль-
ше всякая шваль вроде сезонных рабочих. Поэтому
шоссе выступало естественным водоразделом меж-
ду относительным богатством и бедностью, причем
бедностью отнюдь не той, которую классики имено-
вали «благородной».

С противоположной стороны тянулись поля, вла-
дельцы которых и закупали нашу сетку. Вода здесь
в дефиците, а сетка помогает ее экономить. Найти
бы еще средство, которое помогло экономить им пе-
стициды... По слухам, ничего из того, что было выра-
щено здесь, в рот и брать нельзя было: сплошная хи-
мия. Но я над этим слишком не задумывался, полагая,
что от судьбы не сбежишь, а лишь избегал покупать
полуфабрикаты.

14 Закрыв все же ворота, я сел на мотоцикл и рванул с места, чуть приподняв его на дыбы. Одна радость от пребывания здесь — мотоциклетный сезон круглый год, и есть где погонять на «эндуре», потому как вся пустыня в моем распоряжении. Разумеется, когда жена приезжала, приходилось брать машину в прокат, но пока в гараже лишь мотоцикл с велосипедом место занимают.

Вчера утром около часа проболтал по телефону с женой, потом весь день настроение было почти убитым. Услышал ее голос — она еще поплакала, дала с мальчиками поговорить... Тяжело столько времени без них, на стену уже лезу. Пусть они здесь летом были, а жена еще и позже прилетала, но тоска ужасная. Мальчишки там без меня растут, а я, понимаешь, сетку дренажную местным фермерам продаю. А что делать? По-другому продавать не получилось.

Сегодня настроение хоть немного поправилось, да и день ожидался хлопотный. Большой заказ нам подкинули, который с трудом разруливался с производством, — надо было что-то решать. Вот я и выехал сегодня пораньше. Солнце только поднималось, светя мне прямо в глаза, пока я выруливал по Колорадо авеню к Уильямс, которая вела к мосту, перекинувшемуся через шоссе. Было ветрено, по серому асфальту дороги несло песок, которого тут было от края и до края. К вечеру ветер может совершенно разгуляться, и начнется настоящая песчаная буря — мерзкое явление, если честно. Потянет как из печки с севера, из пустыни Мохаве и одноименного округа, понесет песок и пыль, закроет небо, потемнеет... гадко.

Когда я уже почти заехал на мост, прямо за спиной у меня взвыла сирена. Я притормозил, полагая, что кому-то вздумалось остановить меня, но оказа-

лось, что ошибся. Мимо пронесся на большой скорости черно-белый полицейский «Хаммер» второй модели — и на таких здесь катается полиция. Неслись они энергично, меня даже волной воздуха качнуло, мигали разноцветными «люстрами». Перед оросительным каналом в глубоком крене полицейская машина свернула налево, на Тир-Дропруд, в сторону трейлерного парка. Опять там что-то случилось — кто-то кого-то пристрелил или зарезал. На кражи и прочее подобное полиция туда не катается — их просто не зовут. Или пьяная драка между соседями, или что-то в таком духе. Эти драки обычно плавно перетекают в поножовщину.

Редкий мексиканец в трейлер-парке не носит ножа, а живущие в Сан-Луисе холодному оружию предпочитают автоматы Калашникова, которых в виде китайских, румынских и польских клонов осело в этих краях немало. А мексиканские банды сделали из нашего «калаша» настоящий фетиш — для них он символ революции и борьбы с той самой Америкой, в которую они переселились. Хотя никакого противоречия для них в этом нет. В свое время США эту землю отобрали у Мексики, а теперь мексиканцы считают свое переселение в эти края лишь восстановлением исторической справедливости, к чему их, кстати, весьма активно подталкивает мексиканское правительство. Реконкиста идет полным ходом, и идеи об отделении от США с организацией государства Ацтлан носятся в воздухе. Впрочем, серьезь их никто не воспринимает.

Я проскочил поворот к трейлер-парку, прокатил мимо высаженных стройными рядами апельсиновых деревьев, как раз и дававших работу его обитателям, выехал на Лос-Анджелес авеню — широкую и пыльную улицу, тянущуюся между сетчатыми за-

16 борами с выросшими вдоль них сухими кустами. Заборы огораживали территории складов, крошечных фабрик по упаковке цитрусовых, склада строительных материалов Тиллмана, фабрички по разливу пальмового масла и прочей подобной дряни, на которой в дешевых закусовых поджаривают начинку для бургеров, склад сельскохозяйственных химикатов компании «Гован», с которого их раскупали все окрестные фермеры, и так далее. Даже крошечная нефтебаза была, чуток поодаль. Ветер нес по улице пыль, шары перекасти-поля, рваную оберточную бумагу, какой-то мусор — в общем, выглядело все достаточно уныло. Сыпануло мелким песком, так что я вынужден был щиток шлема немного опустить. За Лос-Анджелес авеню раскинулся песчаный пустырь, за которым уже выстроились ряды обшитых сайдингом домов местных обитателей.

Я проскочил до самого конца улицы, где привольно раскинулись еще три трейлер-парка, один из которых носил гордое название «Наконечник стрелы», а второй именовался, как здесь часто бывает, в честь одного из «отцов-основателей», в глубоком крене, покуражившись, свернул влево и оказался у решетчатого забора с воротами, за которыми стоял наш офис-трейлер. Все, приехал. Остановился перед воротами, огляделся. Я вообще имею привычку в этом месте всегда оглядываться, поскольку здесь соседство не слишком вдохновляющее.

И опять оказался прав. Среди трейлеров стояли фургон «Скорой помощи» и две полицейские машины — еще один «Хаммер» и «Краун Виктория». И тут что-то случилось.

Из фургона появился Джефф — бывший инструктор с полигона национальной гвардии, теперь работающий частным охранником. По ночам он дежурил

у нас в офисе, охраняя склад — не только наш, 17
а целый квартал складов, но базировался у нас.

И им удобно — Джеффа и его сменщиков я имею в виду, — да и нам тоже хорошо. Забраться сюда пытались не раз, хотя совершенно ничего ценного для себя обитатели трейлеров найти бы не могли. На кой черт им мотки темно-зеленой полимерной сетки? Разве что украсть компьютер с телефоном из самого офиса.

Джефф отпер ворота и закрыл их за мной, когда я заехал на территорию. На нем была полувоенная серая форма, которую носили все в их агентстве, на поясе висела кобура с пистолетом — старым добрым «Кольтом 1911» «правительственной модели». В этом Джефф был консерватором, потому что все остальные его коллеги из охранного агентства ходили с новомодными «глоками». С другой стороны на поясе висели деревянная дубинка и наручники.

— Доброе утро, сэр! — поприветствовал он меня.

Он вообще всегда обращался ко мне «сэр», хоть меня это несколько напрягало. Хотя здесь так принято, это с непривычки я так реагирую.

— Доброе утро, Джефф, — кивнул я в ответ, стаскивая с головы шлем и рывком расстегивая «молнию» нейлоновой куртки. — Что там за шум?

Я ткнул пальцем в сторону трейлеров, затем начал стаскивать перчатки.

— Не знаю, сэр, — пожал он плечами. — Но шум там ночью был изрядный. Чертовы «спики»¹ орали до самого утра, а потом понаехало полиции. Сейчас половина из них уже уехала обратно.

¹ «Спиками» в Америке называют всех латиноамериканцев. Откуда взялось само слово, существует масса теорий — и ни одной правдоподобной. Пишется как «*spic*».

18 Джефф, прямой потомок первых поселенцев-англосаксов, официально мексиканцев недолюбливал, хотя я постоянно замечал его приятельски беседующим с Паблито. Если точнее, то именно с Паблито он и дружил.

— Опять поножовщина была, наверное, — кивнул я.

— Не думаю, сэр, — мотнул головой Джефф. — Там еще и стреляли. Я всю ночь просидел как на иголках. Кстати, новости с родины уже знаете?

— Не понял. Что за новости? — насторожился я.

— Я же говорил вам, что иногда все же полезно смотреть телевизор, — усмехнулся он. — Вот вы его презираете, а в результате не знаете последних новостей. В Москве какие-то беспорядки, было в новостях.

— Что за беспорядки?

— Никто ничего толком не говорит, но есть жертвы, и показывали ваших копов, стреляющих на улице. — Он помолчал и добавил: — Всерьез стреляли, из автоматов.

Вот как... А Маша вчера ничего не сказала. Странно. Хотя в нашей тихой деревне можно и не услышать ничего, да и новости она не смотрит. Тем более надо ей позвонить. И в Интернет я вчера не залезал, а вот это зря. Джефф-то на самом деле не совсем прав: мне компьютер с успехом заменяет как телевизор, так и газеты.

Я прошел в пустой офис, повесил шлем с курткой на вешалку и уселся за стол Джека. Он только через час подъедет, так что можно сидеть. Включил компьютер, глянул на часы. Так, позвоню, пока компьютер грузится. В Москве уже шесть часов вечера — если там что и случилось, Маша должна была знать.

Придвинул телефон, натякал номер ее мобильного, прислушиваясь к пиликанию тонального на-

бора в трубке. Взяла она трубку после пятого гудка, я посчитал. 19

— Золотая! — вместо приветствия сказал я. — Можешь говорить?

Терпеть не могу, когда она болтает по телефону, сидя за рулем. Лучше перезвоню. Она поняла смысл вопроса, ответила:

— Я дома. Никуда сегодня не выходила. Юрка приболел, сопливил, так что в школу не пошел.

Обожаю ее голос, грудной и мягкий. Как же я по ней тоскую!

— И ты не заставляла? — очень удивился я.

Это у них камень преткновения. Наш старший сын десяти лет, как и любой другой ребенок, рад поболеть. Мама всегда подозревает его в симуляции и гонит в школу чуть не пинками. Если оставила дома, значит, у него точно сопли до пупа сегодня.

— Правда заболел, — засмеялась она. — Но в постель загнать не смогла — целый день с Сашкой бесился.

Сашка — наш младший, ему три. Как это ни странно, но друг друга старший и младший обожают, готовы играть вместе целыми днями. Обычно при такой разнице в возрасте бывает по-другому. Если возьтятся вдвоем, младший тоже заразится. А разогнать их по разным комнатам невозможно.

— Что у вас в Москве делается? — спросил я о главном. — В новостях здесь что-то болтают.

— Не знаю. Вовка звонил, сказал, что вроде в городе чуть ли не психи разбежались откуда-то. Стреляли там, еще что-то в этом духе.

— Ты бы повременила вообще Юрку в школу возить, — сказал я, читая заголовки новостей в Яндексe. — Тут о вспышках немотивированного насилия в городе пишут. Посидите дома.

20 — А мы и так сидим — куда мне с больным деваться? — засмеялась она.

А ее смех меня вообще с ума сводит. Сижу вот, слушаю — и схожу. Почему не могу там сидеть и с ума сходить?

— Вот и посидите, — выразил я общую идею. — И новости послушай, знай, что говорят. А то начнется, как тогда, когда Боря по парламенту из танков стрелял.

— Думаешь, так серьезно?

Голос стал слегка обеспокоенным.

— «Отмечены вспышки немотивированного насилия. Есть жертвы. Сообщили, по крайней мере, о двадцати погибших и двухстах раненых. Начальник ГУВД города Москвы...» и так далее, — прочитал я ей с экрана. — Двести раненых в городе при вполне мирной жизни за одни сутки — очень много, это уже боевые потери.

— Ой...

Она явно испугалась.

— И что делать?

— Еда дома есть?

— Естественно, — даже оскорбилась она. — Ты за кого меня принимаешь?

— За счастье мое принимаю, — отмазался я. — Я имею в виду — еда на несколько дней есть в холодильнике?

— Конечно. Мы же позавчера на неделю запаслись.

Тоже верно. По субботам мы всегда на неделю еды накупали — при загородной жизни так удобнее. Ехали всей семьей в торговый центр, дети бесились у игровых автоматов, а мы наваливали по две тележки всякого съестного. Хорошо, что они эту привычку не оставили.

— Вот что... — Меня что-то во всем этом 21
беспокоило, но я не мог понять что. — В об-
щем, никуда не ходите. Потусуйте дома, кино по-
смотрите, проведите время, в общем. Ладно?

— Да что такое? — удивилась жена. — Ты о чем-то
не говоришь, я же тебя знаю.

— Я пока сам не знаю, о чем не говорю, — сознал-
ся я. — Тут тоже какие-то безобразия ночью были,
и погода плохая, вроде как песчаная буря идет. От
этого, наверное, настроение такое, что ждешь не-
приятностей. В общем, посидите, я буду позванивать.
Хорошо?

— Хорошо... — протянула она, озадаченная.

Я положил трубку, вновь уставился в экран. Ново-
сти какие-то подозрительные. И совсем непонятные.
Одно дело беспорядки на темы политические, и с на-
циональной тематикой тоже ничего непонятного не
бывает, а тут... вроде кто-то на кого-то напал, кто-
то погиб, а кто, зачем и почему? Ни слова. Такое ощу-
щение, что пишущая братия сама не понимает, о чем
пишет.

На сайтах телеканалов никакого видео с улиц нет,
только интервью городских властей в полном соста-
ве. Какие-то маловнятные обещания, заявления, что
все уже под контролем и так далее. А что под контро-
лем? Каким контролем? И что вообще случилось-то,
трудно сказать?

На безразмерном «Ю-Тубе» нашлась целая подбор-
ка видео на тему «Насилие в Москве», но в основном
не по делу. Два ролика заинтересовали — они явно
были свежими, но что именно происходит — непон-
ятно. В одном месте какой-то мужик бросался на
толпу людей, а те разбежались. Причем бросался без
ножа или другого оружия, и что собирался сделать,
я так и не въехал. И чего они от него бегали, тоже не-

22 ясно — проще навалить было. Видео было сделано мобильным телефоном, качество ниже плитуса. Второй ролик был коротким и вовсе непонятным. Какая-то женщина в подъезде выходила из двери и бросалась на мужика, идущего по лестнице перед снимавшим. Затем оба катились вниз, этот, кто снимал, ронял телефон, и запись останавливалась.

На русских видеосайтах были эти же ролики — ничего нового. И что делается? Совсем меня озадачили.

С улицы раздался звук мотора подъехавшего автомобиля, затем открылись ворота. Перед окнами мелькнула серая крыша старенького «Сатурна». Паблито подкатил. Я глянул на часы — раньше всех. Еще четверть часа до начала рабочего дня.

*21 марта, среда, вечер.
Москва*

Звонок мужа слегка озадачил Машу, но сказать, что она растерялась, было бы неправильно. Что-то такое она заподозрила уже вчера. Еще вчера ей звонила Настя — жена брата — и сказала, что слышала в городе стрельбу. Затем звонил уже сам брат и сказал, что в городе массовые драки или что-то в этом духе. Она подумала тогда на футбольных хулиганов или «бритоголовых». Сейчас позвонил муж, и это насторожило ее больше всего, поскольку именно ему она больше всех и доверяла. Они были женаты уже двенадцать лет, и за это время она достаточно хорошо его изучила и знала, что просто так панику наводить он не будет. Вообще он и паника были понятиями несовместимыми. Еще с первого дня их знакомства она довольно ловко научилась справляться со всеми проблемами, выяснив, что лучший способ